

Inhalt

Осип Мандельштам: язык и интертекст / Osip Mandel'stam: Sprache und Intertext

От редакции	11
<i>Кристиан Цендер (Universität Fribourg)</i>	
Идиоматический поворот в литературоведении? О книге П. Успенского и В. Файнберг «К русской речи»	13
<i>Марина Бобрик</i> (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва)	
Летняя сказка. Стихотворение Осипа Мандельштама «Пароходик с петухами...» (1937)	35
<i>Евгений Сошкин (Свободный университет в Москве)</i>	
Зеркало Сусанны. К прочтению «Венецейской жизни» Осипа Мандельштама	87

Андрей Платонов: мотивы и контексты / Andrej Platonov: Motive und Kontexte

<i>Евгений Яблоков (Институт славяноведения РАН)</i>	
Мотив переименования персонажа в произведениях Андрея Платонова	141
<i>Леонид Геллер (Université de Lausanne)</i>	
Платоновские контексты: Павел Филонов и учение Николая Федорова	171

Hans Günther (Universität Bielefeld)
Musikalische Motive bei Andrej Platonov. Eine diachronische
Untersuchung 191

Robert Hodel (Universität Hamburg)
Zwischen Utopie und Zensur – Platonovs Prosa der Kriegsjahre. 219

Статьи / Aufsätze

Константин Богданов
(Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербург)
Прагматика мотива и антропология «жизненного мира» 251

Геннадий Зельдович (Uniwersytet Warszawski)
«Невидимая гипербола» у Н. В. Гоголя: К вопросу о механизмах
дискурсивного выделения 293

Олег Лекманов, Михаил Свердлов (НИУ ВШЭ, Москва)
Обэриуты в оценках журнала *Детская литература* (1932–1939) . . . 331

Маша Левина-Паркер, Михаил Левин
Время набоковского *Дара* – забавы хронического
мистификатора 357

Леонид Крысин
(Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва)
Проблемы лексикографического представления русской
разговорной речи в толковом словаре 391

Rezensionen

Belyj, Andrej (2020): <i>Istorija stanovlenija samosoznajuščej duši</i> (Karen Swassjan, Basel)	423
Günther, Hans (2020): <i>Revolution und Melancholie. Andrej Platonovs Prosa der 1920er Jahre</i> (Rainer Grübel, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg)	429
Krüger, Kersten / Rothe, Horst (2019): <i>Ukrainisch-deutsches Wörterbuch</i> (Tillman Reuther, Universität Klagenfurt)	441
Ladygina, Yuliya (2019): <i>Bridging East and West. Ol'ha Kobyljans'ka, Ukraine's Pioneering Modernist</i> (Stefan Simonek, Universität Wien)	449
Rossomachin, Andrej (Hrsg.) (2021): <i>Sverchpovest' „Zangezi“ Velimira Chlebnikova: Novaja tekstologija. Kommentarij. Receptija. Dokumenty. Issledovanija. Illjustracii</i> (Anke Niederbudde, Ludwig-Maximilians-Universität München)	461
Uffermann, Dirk (2020): <i>Polska literatura postkolonialna. Od Sarmatyzmu do migracji poakcesyjnej</i> (Dorota Kołodziejczyk, Uniwersytet Wrocławski)	471
Wanner, Adrian (2020): <i>The Bilingual Muse: Self-Translation among Russian Poets</i> (Dirk Uffermann, Justus-Liebig-Universität Gießen)	495
<i>Errata</i>	503

Олег Лекманов, Михаил Свердлов

Обэриуты в оценках журнала *Детская литература* (1932–1939)

Abstract: This essay focuses on a micro-episode from the history of the Soviet children's literature of the 1920–1930s, namely the history of the OBERIU's critical assessment of the publications addressed to the juvenile audience in the magazine *Detskaya Literatura / Children's Literature*. The essay examines the self-evident, yet also, at times, paradoxical connection of the OBERIU group with the ideological course of the time and the instructions of the ruling Communist party. We highlight three periods in the history of the OBERIU's criticism of the "children's" project: the period of pedology (until 1936), the period of brief political silence (until 1937), and the period of the Stalinist repressions (1937–1938). We also refer to two major tendencies in literary reviews of the period. The first was the tendency of the reviewers to claim their superior status as those who could both teach and guide the authors of children's literature; this type of criticism easily turned into a tool of punishment for the authorities as denunciation and bullying became common and the repressions intensified. The second tendency manifested itself only occasionally; it was aesthetic criticism, the echo of the long obliterated Russian Formalist criticism.

Keywords: OBERIU members, children's literature, "niche," pedagogy, brainwashing

В одной из работ М. О. Чудаковой для описания литературного процесса раннесоветской эпохи удачно освежается стертая метафора социального прессы:

...В первые же месяцы после Октябрьского переворота стали создаваться совершенно новые условия для бытования литературы [...]. В условиях огромного социального, а вскоре и прямо политического давления литература искала возможности выживания, движения, спасаясь от уплощения и расплющивания. А сам социальный пресс менял профиль и силу давления: какие-то выступающие его части

давили до конца, до уничтожения, в других же – обнаруживались зияния, которые могли служить какое-то время нишами, и даже – отверстиями с выходами на поверхность. Поиски этих ниш и этих выходов требовали от живых сил литературы повышенной и непрестанной энергии.

(Чудакова 2006)

Если и не «отверстием с выходом на поверхность», то «нишей» для многих отечественных писателей 1920–1930-х годов, как известно, стала детская литература, в которой в это время действовали чуть иные законы, чем во взрослой. Конечно, взрослую и детскую литературу советского времени правомерно рассматривать как два сообщающихся сосуда, однако история детской литературы отнюдь не дублирует историю взрослой, а достаточно сложно с ней соотносится.

Написание истории детской литературы советского времени – дело будущего¹, пока же предпримем обзор и анализ одного микроэпизода этой истории.

* * *

Журнал *Детская литература*, первоначально представлявший собой бюллетень критико-библиографического института, издавался в Москве, начиная с 1932 года. С первого номера за 1936 год *Детскую литературу* взял под эгиду ЦК ВЛКСМ, что многократно усилило идеологический авторитет журнала.

Поэты, причисляемые к авангардной группе ОБЭРИУ и близкие к ней, а в 1920–1930-х годах нашедшие себе нишу в детской литературе, не были обделены вниманием журнала. Здесь печатались рецензии на книги Дойвбера Левина², Леонида Липавского (публиковавшегося под

1 Укажем на две монографии, в которых предпринимаются удачные, но требующие продолжения попытки написания такой истории: Путилова 1982; Хеллман 2016.

2 Из рецензии И. Зубковского на книгу Левина *Улица сапожников*: «У автора, безусловно, есть данные для того, чтобы создавать увлекательные и социально значимые произведения для ребят. Он ощущает материал, умеет подчас найти нужные и, что особенно важно, художественно яркие краски. Но

псевдонимом «Леонид Савельев»)³ и, наконец, Николая Заболоцкого (подписывавшего свои детские вещи псевдонимом «Яков Миллер»)⁴. Отклики на детские произведения Игоря Бахтерева *Детская литература* не помещала (но они отдельными книгами и не выходили), зато сам Бахтерев однажды напечатал в журнале маленькую заметку «В театрах Ленинграда» (1936, № 2, с. 91).

Однако чаще всего в журнале оценивались произведения трех обэриутов, которые внесли самый весомый вклад в детскую литературу этого периода, – Николая Олейникова, Даниила Хармса и Александра Введенского.

* * *

Олейников, как известно, остался при обэриутах «оглашенным» (как шутил Хармс)⁵. В частности, 29 сентября 1928 года он не поднялся вме-

---

ему порой не хватает чувства меры, он недостаточно внимательно работает над словом» (1933, № 5, с. 8. – *Здесь и ниже библиографические ссылки на критические статьи из журнала даются в тексте с указанием года, номера и страниц.* – О. Л., М. С.); из отзыва М. Чачко на книгу Левина *Десять вагонов*: «...книжка интересна и полезна своей непосредственностью и искренностью» (1934, № 6, с. 16).

- 3 Из рецензии Л. К. на книгу Липавского *Кипяток*: «Несмотря на указанные недостатки книжку следует допустить для самостоятельного чтения ребятам среднего возраста и громкой читки младшему возрасту» (1932, № 2–3, с. 8); из рецензии Купера на книгу Липавского *Мистер Смит в Исаакиевском соборе*: «Книжка Савельева – поверхностная, педагогически вредная, способная только запутать ребят в лабиринте нагроможденных тем. [...] Книга не рекомендуется» (1932, № 16, с. 9); из рецензии Н. М-ва на книгу Липавского *Охота на царя. (Покушение народовольцев на Александра II)*: «Автор пошел по неверному пути, комкая и урезывая захватывающие по своей исключительной революционной насыщенности образы прошлого» (1933, № 5, с. 31); отзыв И. Зубковского о военном очерке Липавского: «Очерк Л. Савельева „Военные изобретения“ группирует выдающиеся события в области военной техники за последние годы» (1933, № 9, с. 24).
- 4 Из рецензии М. Нейман на книгу Заболоцкого *Гражданская война*: «Книга производит впечатление незаконченности. Дана только наметка гражданской войны. [...] Ввиду актуальности темы книгу можно допустить» (1932, № 5–6, с. 2).
- 5 Здесь и далее см.: Лекманов/Свердлов 2018: 115.

сте со своими друзьями на сцену ленинградской Капеллы для зачитывания декларации объединения, сославшись на то, что в зале сидят «его ребята из Райкома». Соответственно, критиками из *Детской литературы* Олейников всегда воспринимался не как сомнительный поэт-пересмешник, а как автор пропагандистских рассказов для советских детей и большевик с боевым прошлым. Об этом прошлом не забыла напомнить читателю многолетний главный редактор *Детской литературы* Антонина Бабушкина в статье «„Чиж“ и „Мурзилка“», напечатанной за три месяца до ареста поэта:

Олейников работает над сюжетно-приключенческим рассказом. Ищет в жизни, видимо, вспоминает из своего опыта, поразительные, фантастические, героические случаи. Они-то и создают ему свойственный его рассказам напряженный, невероятный по остроте «приключений» сюжет.

(1937, № 7, с. 11)

Единственная статья за рассматриваемые годы, в которой Олейникову был адресован более или менее серьезный упрек (за недостаточное внимание к советской современности), да и то – за компанию с другим автором, это обзорная статья А. Жаворонковой «Журналы для младшего возраста» (речь в цитируемом фрагменте идет о журнале *Чиж*):

На страницах [...] журнала специфика советской жизни ощущается настолько слабо, что часто трудно определить, о какой стране идет разговор. Наиболее характерными в этом отношении являются рассказы „Орел Николай Петров“, „Полет парашютиста Евсеева“ (Олейникова).

(1935, № 2, с. 27)

Все остальные напечатанные в *Детской литературе* отзывы на книги и журнальные публикации Олейникова были комплиментарными. Из рецензии библиографа Купера на книгу *Боевые дни*: «Необходимо отметить достоинство книжки – все рассказы ее даны в бодром тоне. В ней много здорового юмора. Удачно построение рассказов, из которых

каждый разбит на небольшие главы. Язык легкий, без длиннот» (1932, № 13, с. 14). Из анонимного отзыва об этой же книге: «Написана книжка легким, образным языком и доступна детям среднего возраста» (1934, № 11, с. 32). Из отзыва Л. Гессен на книгу *Удивительный праздник*: «Книжка Олейникова – одна из немногих общественно-политических (к тому же еще „кампанейских“) книжек, не сдаваемых в архив и сегодня, достойных получить права гражданства на книжной полке школьников первых классов» (1934, № 6, с. 9). Из статьи А. Юрьевой о журнале *Чиж*, в котором был помещен рассказ Олейникова «Красный бант»:

«Красный бант» – рассказ взводного командира о геройстве, о том, как он с отрядом в 20 человек взял в плен 188 человек белых. Мужественный герой, страстный агитатор, умный командир, сумевший разоружить, взять в плен и даже сделать красными бойцами 188 человек вражеского стана, – образ этот вызовет восхищение у любого взрослого, а у дошкольников, влюбленными глазенками следящих за проходящими по улице красноармейцами, летчиками, нечего и говорить.
(1936, № 10, с. 25)

Приведем здесь и фрагмент опубликованной в журнале стенограммы совещания по детской литературе при ЦК ВЛКСМ, состоявшегося в 1936 году. Один из тогдашних ведущих редакторов Детгиза Генрих Эйхлер в своей речи заявил: «Надо прямо сказать, что нет книг, даже одной книги, например, об Великой пролетарской революции, о том, как произошла Октябрьская пролетарская революция». В этом месте Эйхлера короткой репликой перебил Самуил Маршак: «„Боевые дни“ Олейникова». На что Эйхлер ответил: «Книга Олейникова была в свое время нужной, но сейчас другое время, сейчас нужна другая книжка. Олейников несомненно талантливый человек и мог бы взяться и написать другую книжку, хотя бы на ту же тему» (1936, № 2, с. 31).

По злой иронии судьбы пик высоких оценок творчества Олейникова в *Детской литературе* пришелся на роковой для поэта 1937 год. Его имя в весьма лестном контексте было упомянуто в трех подряд

(апрельских и майских) номерах журнала. В седьмом номере А. Бабушкина в уже цитировавшейся нами статье с большой похвалой отозвалась о рассказе Олейникова «Красный бант» (1937, № 7, с. 8, 11–12). Затем в восьмом номере сам Виктор Шкловский в статье «О юморе, героике детской книги и о характерах (по поводу статьи тов. Пантелеева)» дал косвенное обещание когда-нибудь плотно заняться прозой автора «Красного банта»: «Большой писатель Олейников, глубоко показывающий современную тематику в вещах, в которых есть и юмор, и героика. Про Олейникова мало написано, а можно о нем писать большие статьи» (1937, № 8, с. 38). А в девятом номере та же Бабушкина в статье «Политическое воспитание детей и задачи советской литературы» упрекнула Детиздат за пренебрежение все к тому же «Красному банту», причем в ее упреке прозвучали опасные ноты политического обвинения: «Детиздат [...] не нашел возможным включить в „Маленькую библиотеку“ „Красный бант“ Олейникова... [...] Не характеризует ли это политическое лицо Детиздата?» (1937, № 9, 12).

Впрочем, в том же номере *Детской литературы* за 1937 год, где был напечатан короткий панегирик Шкловского, появилась и злоеющая статья Лидии Кон о возглавлявшемся Олейниковым журнале для дошкольников *Сверчок*, в которой упоминались и «вредительская линия» журнала, и «враги народа, пробившиеся в редакцию „Сверчка“», и стремление этой редакции исподволь дискредитировать в глазах детей советских государственных служащих: «Самым глупым и нелепым в этих рассказах неизменно оказывается милиционер или дворник, находчивость и ловкость проявляет только издевающийся над всеми хулиган, явно напрашивающийся на подражание» (1937, № 8, с. 7, 8).

Как это часто случалось в те страшные годы, в данном случае колесики государственной машины крутились несогласованно: Олейникова в *Детской литературе* одновременно и поднимали на щит в качестве подлинно советского, «большого писателя», и, не называя, правда, его имени, клеймили в качестве пособника «врагов народа».

Как мы знаем, вторая тенденция в итоге возобладала: 20 июля 1937 года Олейников был арестован; 24 ноября – расстрелян.

* * *

История обращения журнала к произведениям Даниила Хармса сложнее и противоречивее; в ней можно выделить несколько этапов, прямо соотносящихся с историей детской литературы этого времени. Первая рецензия на его книжку (*Миллион*) появилась уже в сдвоенном втором и третьем номере журнала, и выдержана эта рецензия была в очень жестком тоне. В авторе отклика, М. Л. Нейман, легко опознается апологет педологии, вульгарно понимаемой в те годы как педагогика быстрого практического действия, находящаяся на социальной службе у советского государства⁶. Рецензент писал о книге Хармса и иллюстрациях к ней Владимира Конашевича так:

Эта книга, по-видимому, должна служить упражнением в счете. На протяжении одиннадцати страниц автор оперирует с одной цифрой «четыре». Это – множитель и множимое, слагаемое и сумма. От частого, назойливого повторения слова «четыре» оно совершенно обесмысливается. [...] Со стороны содержания стихи не представляют никакой ценности. Стихи написаны халтурно. Кроме того оформление книги не поясняет текста. Пионерки идут беспорядочной толпой, напоминающей стадо. Такое изображение отряда художником неверно. Совершенно непонятно читателю, почему человек с красным флагом выбрасывается из аэроплана (см. последнюю страницу). Текст книги напечатан на двухцветных раскрашенных страницах. Чтение его на таком фоне вредно для детских глаз.

6 Педологи, по позднейшей формуле В. Тренина, считали, что «детская поэзия непременно должна перелагать в рифмованные строки „познавательный материал“» (1939, № 9, с. 20). Разумеется, педологи в своих рецензиях нападали не только на обэриутов. Ср., например, в отклике критиков *Детской литературы* на стихотворную книгу Самуила Маршак *Как рубанок сделал рубанок*: «Сказка превалирует над действительностью. Рубанок и его товарищи будут восприниматься некоторыми детьми не как производственные инструменты, дающие реальную пользу, а как сказочные герои» (1932, № 2–3, с. 7) и на книжку рассказов Евгения Чарушина *Волчишка и другие*: «Автор книги дает ложное представление о жизни животных. Его рассказы более похожи на сказку про белого бычка, чем на имевшие место в жизни факты» (1932, № 5–6, с. 3), и т. д.

Издательству следует, руководствуясь указаниями ЦК ВКП (б), поднять качество оформления детской книги. Книгу эту нельзя рекомендовать.

(1932, № 5, с. 7)

После рецензии Нейман имя Хармса исчезает со страниц журнала на четыре года. Вновь возникает оно в грозном 1936 году, но, против ожиданий, в весьма лестном контексте. Это нужно прямо связать с публикацией 4 июля 1936 года постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», на некоторое время ослабившего давление социального прессы в литературе для детей и давшего, тем самым, возможность всем, хоть сколько-нибудь заинтересованным в развитии живого слова критикам и литературным деятелям попытаться скорректировать список «чистых» и «нечистых» детских писателей.

Сначала в июльском номере *Детской литературы* А. Бабушкина сформулировала следующий риторический вопрос, обращенный к Издательству детской литературы ЦК ВЛКСМ: «Почему ничего не издано из произведений Хармса, Маршака?» (1936, № 13, с. 8).

Затем в октябрьском номере Хармса реабилитировал Борис Бегак в открытом споре с поверженными педологами, причем для этого он – возможно, неслучайно – выбрал тот самый *Миллион*, который четыре года назад был раскритикован М. Нейман:

Из достойных внимания стихотворений о пионерах мы упомянем два совершенно несходных по жанру. Это – «Миллион» Хармса и «Отряд» Маршака. Очень своеобразными средствами Хармс создает ощущение коллектива. Книжка его – игровая, структура ее, как и структура большинства стихов того же поэта, основана на подчеркивании образа при помощи подвижных меняющихся повторов, сопровождающих основной рассказ. Стихи «Миллион» были изданы только один раз пять лет тому назад и теперь известны немногим; поэтому приводим их полностью... [...] Таким образом веселый рефрен в духе той же считалки завершает стихи Хармса. Эти стихи и дидактичны, и забавны, и действенны, и полны соци-

ального смысла. «Нас много» – тот вывод, который делает читатель из этих стихов, удовлетворяющих склонность ребят к игре полновесным словом. Мы умышленно отмечаем тут полузабытые стихи Хармса как пример наиболее простого разрешения социальной темы. Стихи эти многие педагоги считают пустыми, однако игровая сущность этих стихов не снижает материала, а простота их не есть упрощенчество.

(1936, № 19, с. 45–46)

Отметим, что уже во второй раз имя Хармса упоминалось в *Детской литературе* рядом с именем авторитетнейшего Маршака – это придавало аргументам его защитников дополнительный вес.

На следующий, 1937 год, пришелся пик репрессий в стране, что привело к резкому ожесточению нравов не только во взрослой, но и в детской литературе. Неудивительно, что в этом году вольный перевод Хармсом стихотворения Вильгельма Буша «Плих и Плюх» был без пощады, с опасной подозрительностью, раскритикован на страницах *Детской литературы* – в уже цитировавшейся нами статье Лидии Кон:

Переводчик Хармс, очевидно стремясь приспособить произведение к «особенностям детского восприятия», пошел по линии выхолащивания и обесцвечивания образов. [...] Сатира Буша была острой и тонкой. Примитив Хармса разрушил сатирически поданный образ немецкой сентиментальной драмы [...] В переделке Хармса произведение Буша потеряло свою социальную сущность и бытовой колорит. В этой переделке сказывается все то же недоверие к умственным способностям детей, то же стремление устранить из детской книжки все, что будит чувство и критическую мысль, и превратить детскую книжку в забавную погремушку. В ней сказываются те же тенденции, которые мы отмечали в журнале «Сверчок».

(1937, № 8, с. 11, 12–13)

Однако в 1939 году, после радикального, хотя и временного смягчения общей ситуации в стране, Хармс в одном из установочных материалов журнала попал в список лучших советских поэтов для детей, составленный С. Семеновым: «Михалков, Квитко, Благинина, Барто, Александрова, Хармс, Забила и многие другие поэты создали замечательные произведения для детей, разнообразные по тематике и жанру» (1939, № 4, с. 9).

Более того, в этом году его поэзия для ребят дождалась в *Детской литературе* не только положительной оценки, но и глубокого, хотя и краткого анализа, как и стихи для детей, написанные Александром Введенским⁷.

* * *

Если новаторские детские вещи Хармса сегодня пользуются куда большей популярностью, чем вполне вписывающиеся в рамки советской детской поэзии произведения для маленьких читателей, написанные Введенским, то в 1930-е годы, именно в силу этого соотношения, имя Введенского на страницах *Детской литературы* упоминалось гораздо чаще, чем имя Хармса. Хронологическая траектория восприятия критиками из этого журнала стихов и прозы Введенского в целом была схожа с историей восприятия произведений Хармса. Однако противоречия оценок были еще резче.

В том же сдвоенном втором и третьем номере *Детской литературы* за 1932 год библиограф Фрейдкина, не стесняясь в выражениях, критиковала книгу Введенского *Кто?* с тех же педологических позиций, что и М. Нейман – книгу *Миллион* Хармса:

Момент шалости ребенка и наказания его автор проводит на фоне индивидуального провинциального семейного быта, совершенно не используя момент коллективного воспитания, не демонстрируя воздействия детского коллектива на «неорганизованного» Петю. [...] Книга неумная, неинтересная для советского ребенка. (1932, № 2–3, с. 5)

7 См. последний раздел нашей статьи.

В четвертом номере *Детской литературы* за 1932 год выдержанную в сходном духе рецензию на книгу Введенского *Рыбаки*, проиллюстрированную А. Ермолаевой, опубликовала первый главный редактор журнала Анна Грудская:

Книга, очевидно, рассчитана на детей младшего возраста. Автор дает картину выезда в море рыбаков. На первой странице книги он привлекает внимание детского читателя к собаке, ее «горячему» желанию выехать в море. В фокусе внимания ребят не люди, не рыбаки, а собака. [...] Вторая страница раскрывает халтурный характер работы автора, художника и редактора книги. [...]

Автор пишет (стр. 4):

«Скорей, рыбаки, отправляйтесь домой!

Скорей, а то опоздаете –

Все небо покрыто холодной тьмой,

Чего вы еще ожидаете?»

Эти строки говорят о незнании автором предмета, о котором он пишет. Рыбаки, живущие у моря, отважны, привычны ко всяким опасностям – они хорошо знают законы бушующего моря, бушующей стихии. [...] Автора на протяжении всей книги больше интересуют приключенческая сторона событий и сила стихии, чем судьбы людей. Именно поэтому социальная сторона рыбацкого труда, условий его жизни, обойдена. А ведь уже сейчас рыбацкие артели и организованная государством ловля рыбы дают большие возможности борьбы со стихией.

(1932, № 4, с. 2–3)⁸

8 После приговора Каменеву и Зиновьеву и последовавшей за ним очередной кампании по «разоблачению» «врагов народа» во всех сферах советской жизни, в редакционной статье «Быть на-чеку!» (так! – О.Л.) о Грудской написали так: «Исключенная сейчас из партии троцкистка Грудская в свое время подвизалась в критике детской литературы. <...> Вся работа Грудской в качестве редактора бюллетеня сводилась к беспардонной нарочитой дискредитации нашей детской книги, и проведению оголтело рапповской политики с явной установкой на то, чтобы задерживать рост советского литературного движения, мешать ему» (1936, № 15, с. 6).

Еще в двух рецензиях на детские книжки Введенского, помещенных в *Детской литературе* в 1932–1933 годах и написанных с педологических позиций, характерное для того времени слово «халтура» не употреблялось, но явно подразумевалось (и, как кажется, не без оснований). Из отзыва М. Разживиной на книгу ПВО:

Основным недостатком книжки является показ отдельного человека изолированно от коллектива, при защите во время налета... [...] Выпала из поля зрения автора воспитательная и руководящая роль в оборонной работе комсомольских, пионерских организаций и Осоавиахима.
(1932, № 7, с. 2)

Из обзора И. Зубковским журнала *Еж* за первое полугодие 1933 года:

«Не отдавай сорняку урожай» – произведение постоянного сотрудника журнала А. Введенского – далеко не на должной художественной высоте. Рифмованное перечисление сорняков-вредителей с призывом бороться с ними вряд ли может мобилизовать творческие силы детворы. А. Введенский указывает, кого надо уничтожить:

«Это полынь,
Это вьюнок,
Это пырей,
И цветок».

Но «адреса» этих вредителей урожая ребенок, очевидно, сам должен найти, заглянув во «Флору средней России» Маевского. «Не отдавай сорняку урожай» – этот призыв остается художественно не реализованным в стихотворении А. Введенского.

(1933, № 9, с. 23)

Первые, хотя и с оговорками, но все же хвалебные оценки стихотворений и прозы Введенского начали появляться в *Детской литературе* чуть раньше, чем одобрительные отзывы о Хармсе, – в 1935 году, когда

педологи еще окончательно не сдали свои позиции, но уже подвергались в советской печати тотальной идеологической проработке.

«Стихотворения Введенского тусклы и незанимательно поданы. [...] Но „Черный кот“ и „Птичка“ удались автору: первое выигрывает четкостью, а второе – неожиданным лиризмом», – отмечал М. Малишевский в статье «О поэзии для детей» (1935, № 2, с. 12). В этом же номере журнала в оценке стихотворения «Черный кот» с ним солидаризировалась А. Жаворонкова:

В основном редакция «Чижа» прекрасно понимает сущность осмысленно-смешного для детей. На его страницах есть целый ряд образцовых вещей. Введенский, например, в остроумном стихе «Черный кот» заставляет весело смеяться ребят и умело дает познавательный материал.

(1935, № 2, с. 27)

В этой статье Жаворонкова дала стихотворениям Введенского из *Чижа* и более развернутую характеристику:

Автор удачно разрешает проблему познавательности в стихе. Во всех приведенных примерах Введенский, рисуя то или иное явление природы, дает ребенку материал для наблюдения. Так, в «Стихах о ветре» читатель знакомится с различными проявлениями ветра: ураган, срывающий крыши, ветер, движущий крылья мельницы, лодку, поднимающий воздушный шар. В ритме стиха передается сила ветра и ритм его движения. То это напористый стих с прерывистым ритмом – толчками:

«Что бушуешь,
Ураган?
С кем воюешь,
Ураган?»

то плавный, медлительный ритм несущегося вверх воздушного шара:

«А вот ветрам послушный,
Под самую луной

Несется шар воздушный
Высоко над землей!»
(Там же: 28)

В пятом номере за 1935 год была опубликована сдержанная рецензия Виктора Шкловского на книгу Введенского *Кто?* (раскритикованную в журнале в 1932 году): «Книга Введенского неплохая. Построена она по принципу, который еще не устарел [...] Вещь сделана с полным пониманием принципов формального построения детской книжки. Но сделана она скучновато и схематично» (1935, № 5, с. 41). В десятом номере книжка Введенского *Володя Ермаков* в статье «Литература для дошкольного и младшего возраста» признавалась неудачной, но в этой же статье ее авторы, С. Болотин и А. Горкин, хвалили другой его стихотворный сборник:

Новая книга Введенского «Володя Ермаков» посвящена пропаганде физкультуры в школе. Эта тема давала автору чрезвычайно широкие возможности. В нашей действительности, насыщенной атмосферой героических дел, прекрасной борьбой за высочайшие достижения во всех областях культуры, в том числе и в спортивной, можно было найти много материала для создания образа героя-физкультурника. Введенский этого не сделал. Его герой неинтересен. [...] Значительно интереснее другая книга того же автора – «Зима кругом», вышедшая 3-м изданием и тоже посвященная пропаганде спорта (зимнего) среди самых маленьких читателей. Книга написана исключительно четко, просто, понятно. Распределение смыслового материала по строкам сделано с правильным учетом пониманию дошкольника. [...] стихи следует признать очень удачными.
(1935, № 10, с. 32–33)

А в одиннадцатом номере журнала за 1935 год была напечатана большая редакционная статья, в которой имя Введенского было включено в ряд лучших современных советских поэтов и прозаиков для детей (как Хармса в статье С. Семенова 1939 года):

Созданы не только книги, но и ядро талантливых писателей, все-
рез работающих в детской литературе, правда, количественно еще
не столь значительное (Маршак, Чуковский, Житков, Барто, Кас-
силь, Гайдар, Паустовский, Пантелеев, Ильин, Н. Григорьев, Ко-
жевников, Богданович, Данько, Бианки, Введенский, С. Григорьев,
Замчалов, Перовская, Ивантер, Шатилов, Фраерман, Золотовский,
Гершензон, Злобин и многие другие).
(1935, № 11, с. 13)

В номерах журнала за 1936-й и январь-май 1937 года Введенского ино-
гда хвалили, а иногда ругали. При этом все тогдашние рецензии на его
книги и журнальные публикации располагались исключительно в пре-
делах литературного поля, ни одна из них не была написана с целью
формирования толщии социального пресса эпохи.

Так, А. Юрьева в статье «Журнал „Чиж“ в 1936 г.» отмечала, что опу-
бликованные в журнале *Чиж* «стихи Введенского „Щенок и котенок“
хороши. Выточенные и по идее и по форме, они радостно встречаются
детьми, дети с наслаждением слушают еще и еще эту маленькую по-
весть о выросших за лето котенке и щенке...» (1936, № 6, с. 26).

В седьмом номере Борис Бегак, укравшийся под псевдонимом «Боб
Роланд», высмеял Введенского за то, что он поместил разные варианты
«Щенка и котенка» сразу в двух журналах – *Чиж* и *Мурзилка*:

Между сладких коврижек
и книжек
жили дружно
«Мурзилка» и «Чижик».
Вдруг –
не знаем, некстати ли, кстати ль –
к ним
с поэмкой
явился писатель
и промолвил им ласково:
– Дети,

вот что высидел я
в кабинете.

Поэмка упала,
тепла и свежа,
пихнула «Мурзилку»,
задела «Чижа».
«Мурзилка»
подвинул чернильный прибор,
поэмку понюхал
и фыркнул:
– В набор!
А «Чиж»
просвистал с неохотой:
– Сперва, дорогой,
поработай!

И что же? В «Чиже» появились стихи,
В «Мурзилке» же – вирши, отменно плохи.
И, крикнув сурово писателю «кыш»,
взаимно надулись «Мурзилка» и «Чиж».

Может, это серый кот
виноват?
Или это пес Барбос
виноват?
Или толстый, как сундук,
виноват во всем индюк?

Нет.
В халтуре индюка
обвинять нам не рука.
Из рассказа ясно, дети.

кто шалил
и кто в ответе.
(1936, № 7, с. 40–41)

В статье «Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ за полгода» А. Бабушкина интересовалась: «[...] почему выпущены „Зима и лето“ Введенского – одна из худших его вещей?» (1936, № 13, с. 8) В соседнем предложении Бабушкина, напомним, упрекала издательство за то, что оно не выпустило новых детских книжек Хармса. В шестнадцатом номере была помещена большая разносная рецензия Бориса Бегака на книгу Введенского *Лето и зима* под названием «Мнимая поэзия», в которой, впрочем, содержалось признание его таланта и профессионализма:

Основной порок стихов, вошедших в эту книжку, – бессодержательность образа. [...] Нашей детской лирике, в том числе лирике Введенского, не хватает эмоциональности. [...] Неудачны и попытки Введенского окрасить образ юмористически. [...] Введенский, уже известный и в других областях детской литературы (например, в области сказки), неоднократно показал, что и стихи он может писать несравненно лучше.
(1939, № 16, с. 17–19)

Безапелляционным и грубым был тон рецензии А. Девешева на «фото-книжку» *Катина кукла*, в которой подписи Введенского к фотографиям оценивались так: «Впечатление чуждости [...] детской жизни усугубляется текстом Введенского. Холодный, пустой и неряшливый текст создает ощущение слащавости, фальши, подделки под „детскость“. [...] Слащавый нянюшкин тон проходит через весь текст книжки» (1937, № 9, с. 39). Но в следующем, майском номере в журнале появился хвалебный отклик на книгу Введенского *Щенок и котенок*, автором которого был незадолго до этого критиковавший поэта Борис Бегак:

В этой книжке Введенский сумел почти полностью преодолеть свойственные его прежним стихам отрицательные особенности, о которых нам приходилось ранее говорить: оголение образа во имя его мнимой доступности («Лето и зима»), навязчивую дидактичность («Володя Ермаков»). Если не считать небольших недочетов, как, например, упомянутое уже отсутствие крепкой связи между некоторыми эпизодами, местами обедненная рифма, кое-где нарочито перебивающийся ритм, – стихи «Щенок и котенок» на наш взгляд – первая серьезная удача Введенского. Эта удача говорит, что хорошие результаты находятся в прямой зависимости от добросовестности автора, разумеется, если у него есть поэтические данные. У Введенского они есть. В детской литературе он работает уже довольно давно, и от него мы могли бы ожидать гораздо больших успехов, чем имели до сих пор.

(1937, № 10, с. 28)

Атмосфера всеобщей параноидальной подозрительности, которая установилась в СССР во второй половине 1937 года, сказалась и на тональности высказываний о Введенском на страницах *Детской литературы*. В шестнадцатом и семнадцатом (августовском и сентябрьском) номерах журнала за этот год было напечатано сразу три материала, в которых на смену более или менее конструктивному обсуждению достоинств и недостатков произведений поэта для детей пришли тяжелые политические обвинения. В шестнадцатом номере появилось коллективное письмо библиографической группы коллектива детских и школьных библиотек, озаглавленное «Вредные традиции в детской книжке»:

Ярким примером [...] ничемных, ненужных для нашего советского ребенка книг является недавно вышедшая книга А. Введенского «О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке». Книга Введенского настолько пуста и чужда нам идейно, что даже у самого нетребовательного читателя вызывает недоумение. [...] Введенский хочет уверить читателя, что можно, обвязав веревку вокруг шеи кошки, таскать ее всюду за собой, как это делает Маша со своей

кошкой Ниточкой, совершающей вместе с ней большие прогулки по городу и по лесу. [...] А чего стоит его описание природы. Цветы у Введенского сверкают, солнце по голубому небу катится, тучи гуляют [...] Книга Введенского является типичным образцом «собачко-кошечно-кукольной» литературы, против которой уже протестовали в печати. [...] Дошкольнику дали еще одну бездарную книгу. И это сделано после ряда специальных совещаний по детской литературе, участниками которых были и редактор и автор данной книги. Где же выполнение указаний ЦК ВЛКСМ?

(1937, № 16, с. 34–36)

А в следующем номере *Детской литературы* появилась статья М. Балаховой «За правдивость в книгах для дошкольников», выдержанная в весьма распространенном тогда жанре политического доноса:

«Девочка Маша» и «Катина кукла» Введенского, «Оленькина зима» Зилова – это все новые бытовые повести для дошкольников. На этих книгах стоит дата 1936 и 1937 годов. Но трудно определить, о детях какой эпохи идет в них речь. [...] Введенский обеднил жизнь Маши, изолировал ее жизнь от жизни общества детей, изолировал даже от жизни семьи, замкнув ее мирок миром окружающих ее игрушек и животных. Может быть, он ошибочно полагает, что в этом специфика детства? Думается, что дело не в этом. Дело здесь, очевидно, в том, что писатель не знает полнокровной, радостной жизни наших детей, их быта, интересов, не знает их воспитателей, среды, в которой они формируются. В качестве руководящего стандарта он выбрал дореволюционные бытовые рассказы, попытался кое в чем осовременить их и, так как не мог открыто перенести на девочку Машу все буржуазные добродетели, образ ее получился совсем опустошенным, жизнь ее нелепой и неправдоподобной. В одной из предыдущих книг («Катина кукла») Введенский просто воссоздал идеал буржуазной девочки [...] Намечается линия – вредная, губительная для дошкольной литературы линия. От кого она исходит – от редакторов или от авторов, умеющих подчинить волю

редактора – все равно. Детиздат одинаково должен ударить по рукам и тех и других.
(1937, № 17, с. 7, 8–9, 14)

Внушительным довеском к этому материалу послужила статья Д. Чаушанского «Иллюстрации Е. Сафоновой к книжке Введенского», которая заканчивалась так:

Обещание автора рассказать в другой книжке о том, как Маша жила в детском саду, надеемся, не нужно понимать, как косвенное обещание содружества автора с тем же художником. Для следующей книжки, если она по характеру своему будет походить на рецензируемую нами, нужен хороший карикатурист, который смог бы показать в иллюстрации (прежде всего самому Детиздату) все убожество текста.
(Там же, с. 36)

* * *

Тем не менее в девятом (майском) номере за 1939 год *Детская литература* опубликовала большую статью «О „смешной“ поэзии», содержащую не только апологию Хармса и Введенского, но и, едва ли не впервые в отечественном литературоведении, элементы глубокого анализа их произведений для ребят. Автором этой статьи был замечательный и в итоге не успевший в полной мере реализоваться филолог, специалист по русскому авангарду в целом и творчеству Маяковского в частности Владимир Владимирович Тренин (1904–1941). Он начинал с ученичества у Виктора Шкловского, который, вероятно, и поспособствовал появлению статьи «О „смешной“ поэзии» в *Детской литературе*.

Тренин решительно взял под защиту юмор в детских стихах:

Советская детская поэзия многообразна. Она как большой оркестр, в котором можно различить музыкальные партии разных инструментов. Было бы странно, если бы кто-нибудь требовал, чтобы из оркестра исчезли валторны или фаготы на том основании,

что этому ценителю музыки нравятся только тембры струнных инструментов. Никто не настаивает на том, что смешные стихи – единственный жанр, на котором должны воспитываться наши дети, но надо твердо признать, что в детской поэзии юмор нужен так же, как кислород в атмосфере.

(1939, № 9, с. 25)

Под предлогом защиты юмора в стихах Тренину и удалось обратить внимание читателей журнала на детскую поэзию обэриутов. Само это слово в его статье, конечно, не фигурирует, но не может быть никаких сомнений в том, что цель молодого ученого была именно такова. Сразу же отметим, что в отличие от большинства критиков, писавших в *Детской литературе* о Хармсе и Введенском, Тренину были прекрасно известны их взрослые произведения.

Разговор о детской поэзии обэриутов Тренин начинает так:

Лет десять тому назад в ленинградских и московских детских журналах («Чиж», «Еж», «Пионер») выступило несколько молодых поэтов, писавших веселые стихи. Во многом эти поэты были связаны с Чуковским и Маршаком, но в детскую литературу они принесли и свое тонкое понимание детского представления о смешном, ребячливый юмор, свежие темы и образы. Детям эти стихи нравились, но у критики они не встретили поддержки. Это было время засилья в детской литературе педологических теорий, и с точки зрения унылых чиновников из Наркомпроса веселые стихи подлежали включению в индекс запрещенных книг. Тем более необходимо теперь вспомнить об этих молодых поэтах и дать, наконец, оценку их работе.

(Там же: 21)

Далее (и в этом тоже его заслуга) Тренин подробно, с цитатами, хвалит детские стихи еще одного участника ОБЭРИУ, рано умершего поэта Юрия Владимирова:

В стихах Владимирова есть и подлинный юмор, и гротескные образы, и гибкость сменяющих друг друга ритмов. Эти качества «свободного» стиха, раскрепощенного от условностей классической метрики, внесли в поэзию для детей Маяковский и Асеев, Чуковский и Маршак. Владимиров учился у этих поэтов, но он хорошо знал и стихию народного комического стиха... [...] Десять лет тому назад, когда Юрий Владимиров начинал писать стихи для детей, большинство критиков доказывало, что сказка и шутка в детской литературе недопустимы. О Юрии Владимирове говорили писатели, его хвалили в редакциях, но никто не написал о нем так, как он этого заслуживал. Тяжело сознавать, что смерть оборвала талантливую работу Владимирова, которому было немногим больше двадцати лет и который, несомненно, стал бы одним из наших лучших детских писателей.

(Там же)

Затем настает черед Хармса. В зачине фрагмента о его детских стихах Тренину удалось вполне доброжелательно сослаться на взрослые хармсовские произведения (редчайший случай в критике 1920–1930-х годов):

Хармс начинал, учась у Хлебникова. От Хлебникова шло его внимание к структурным элементам слова, к изменению смысла слов посредством перебора ритмов, синтаксических сдвигов и повторов. Ранние стихи Хармса часто были алогичны (нередко с комической окраской), образы их были эксцентрически расщеплены и не подчинялись единому сюжету. Но уже в ранних (не детских) стихах Хармса была свежесть мировосприятия, была склонность к веселой игре со словами и вещами, обозначаемыми при помощи этих слов. В стихотворной пьесе Хармса «Елизавета Бам», поставленной группой молодых актеров в Ленинграде, кажется в 1927 году, есть такой комический эпизод: героиня пьесы обращается к одному из действующих лиц с просьбой:

Иван Иванович, сходите в полпивную
и принесите мне бутылку пива и горох.

Но дальше просьба варьируется, и бедному Ивану Ивановичу предлагается сходить в полгороха и чуть ли даже не в полбутылку. Здесь комизм алогичен, как в ранних комических фильмах, в которых из стоящего на столе графина неожиданно начинал бить фонтан или проваливался потолок, и человек во фраке и белых перчатках падал в нижний этаж – прямо в ванну. Придя в детскую литературу, Хармс понял, что чрезмерная усложненность его ранних экспериментальных стихов неприемлема для юных читателей. Он начал писать иначе и проще, но сохранил свое умение создавать комические образы и ситуации. [...] К сожалению, Хармс печатается довольно редко. По-видимому, это происходит не по его вине, а потому что до сих пор есть редакторы, считающие, что юмор в больших дозах противопоказан для детей.

(Там же: 22, 24)

В последней части своей статьи Тренин охарактеризовал детскую поэзию еще одного обэриута:

Введенский пишет легко и много, вероятно, поэтому его стихотворения неравноценны: есть у него и очень хорошие стихи, но есть и слабые, в которых видно невнимательное отношение к слову. В лучших своих вещах он идет по пути, параллельному устремлениям Хармса и Владимирова. Однако, если у этих поэтов наиболее ярко просвечивает влияние Чуковского и Маршака, то у Введенского можно обнаружить следы воздействия стихов, написанных для детей Маяковским и Асеевым. [...] Введенскому свойственно живое ощущение природы: он умеет показывать те конкретные признаки пейзажа, которые близки восприятию детей.

(Там же: 24, 25)

***

Подводя общие итоги нашей работы, нужно отметить, что в отзывах *Детской литературы* на произведения обэриутов можно выделить две тенденции.

Ясно, что привычным фоном журнального «быта», особенно в 1932–1934 и 1937 годах, оказываются претензии критиков на роль начальников, наставляющих и направляющих писателей («сейчас нужна другая книжка»), или цепных псов при начальстве, обеспечивающих грозными окриками и бранью стройность рядов: «совершенно не используя момент коллективного воспитания»; «социальная сторона рыбацкого труда, условий его жизни, обойдена», «выпала из поля зрения автора воспитательная и руководящая роль в оборонной работе комсомольских, пионерских организаций»; «где же выполнение указаний ЦК ВЛКСМ?» При усилении же оборотов репрессивной машины критика тут же мобилизовалась на доносы и травлю, становилась придатком карающих органов: «стремление [...] исподволь дискредитировать»; «стремление устранить [...] все, что будит чувство и критическую мысль»; «вредная, губительная [...] линия»; «враги народа».

Однако при этом на протяжении всего предвоенного десятилетия – даже в самые мрачные годы – все же пробивался голос эстетической критики. То тут, то там, то слабее, то сильнее слышалось эхо давно отмененного формализма: «подчеркивании образа при помощи подвижных меняющихся повторов», «игровая сущность [...] стихов не снижает материала», «в ритме стиха передается сила ветра и ритм его движения». Особенно это ощутимо, когда на страницы *Детской литературы* пробиваются сами бывшие формалисты, контрабандой пронося свой язык и приемы мысли. «Надо иначе рисовать индюка, – прежним тоном, в духе 1920-х годов, поучает Введенского Шкловский, – прижать его голову и дать его в таком ракурсе, чтобы видно было, как сердитый индюк стал кубическим» (1935, № 5, с. 41).

При встрече с живым литературным явлением, обэриутской поэтикой, критики подчас и себе самим, видимо, хотели доказать, что они еще живы.

Литература

Лекманов, Олег / Свердлов, Михаил (2018): «Кто я такой? Вопрос нелепый». *Жизнь и стихи Николая Олейникова*. Москва: Литфакт.

Путилова, Евгения (1982): *Очерки по истории критики советской детской литературы: 1917–1941*. Москва: Детская литература.

Хеллман, Бен (2016): *Сказка и быль. История русской детской литературы*. Москва: Новое литературное обозрение.

Чудакова, Мариэтта (2006): «Русская литература XX века: проблема границ предмета изучения», в: *Toronto Slavic Quarterly*, № 18. <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/chudakova18.shtml>, 1.10.2021